

В. СТАРК

Пушкин в творчестве В. В. Набокова

«Говорят, что человек, которому отрубили по бедру ногу, долго ощущает ее, шевеля несуществующими пальцами и напрягая несуществующие мышцы. Так и Россия еще долго будет ощущать живое присутствие Пушкина». Жесткое, но очень точное это сравнение принадлежит В. В. Набокову. Оно происходит из вставного очерка в роман «Дар», где, порожденный фантазией писателя, мнимый его автор А. Н. Сухощев рассказывает о происшествии с неким господином Ч., много лет жившим вне России, приехавшим в Петербург и попавшим на представление «Отелло». Когда, указывая на смуглого старика в ложе напротив, приезжему доверительно шепчут: «Да ведь это Пушкин», — он поддается мистификации. Театральное действо о ревнивом венецианском мавре, знакомый образ поэта с африканскими чертами и смуглый незнакомец сливаются в единое целое — и неожиданно сам рассказчик оказывается во власти пленительной иллюзии: «Что если это впрямь Пушкин в шестьдесят лет, Пушкин, пощаженный пулей рокового хлыща, Пушкин, вступивший в роскошную осень своего гения...» (III, 90—91).

«Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира», — сказал Набоков в «Других берегах» (IV, 277), поставив на первое место Пушкина. Только Пушкин оставался на протяжении всей жизни Набокова незыблемым авторитетом. Набоков Пушкина переводил и комментировал, жертвуя временем, которое мог использовать для оригинального творчества. Ему хотелось представить поэта англоязычному читателю «правдоподобно», и это ему удавалось, хотя сам он относился к своим, прежде всего стихотворным, переводам

весьма критически, полагая их лишь «достаточно правдоподобными», а желание познакомить с Пушкиным иностранного читателя — «дурным желанием». Набоков, как он сам признавался, получал удовольствие от переводческой работы, испытывая «чудесное ощущение полного погружения в поэзию». Он заметил в романе «Дар»: «...у пушкинского читателя увеличиваются легкие в объеме» (III, 87).

Единственно приемлемым способом познания всякого поэтического наследия Набоков полагал погружение в текст. В эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие», созданном к столетию гибели Пушкина в 1937 году, Набоков писал применительно к пушкинскому наследию: «Единственно приемлемый способ его изучить — читать, размышлять над ним, говорить о нем с самим собой, но не с другими, поскольку самый лучший читатель это эгоист, который наслаждается своими находками, укрывшись от соседей» *. Однако несколько лет спустя, живя в Америке, Набоков в качестве профессора русской литературы будет читать пушкинские тексты, говорить о них и размышлять над ними с университетских кафедр.

Одна из его студенток вспоминала: «Он ослеплял нас и внушал нам чувство какой-то экзальтированной страсти — не к нему, а к русской литературе, к истории и к самой стране (к ее географии), с которыми, как он доказал нам, русская литература неразрывно связана». По поводу его преподавания Пушкина она писала: «Он говорил о “звонкой музыке” пушкинских стихов, о чудесном их ритме, о том, что “самые старые, затертые эпитеты снова обретают свежесть в стихах Пушкина”, которые “бьют ключом и сверкают в темноте”. Он говорил о великолепном развитии сюжета в “Евгении Онегине”, которого Пушкин писал в течение десяти лет, о ретроспективной и интроспективной хаотичности этого сюжета. И он читал нам вслух сцену дуэли, на которой Онегин смертельно ранил Ленского. По словам Набокова, в этой сцене Пушкин предсказал собственную смерть» **.

В связи с дуэлью Онегина, дуэлью Пушкина можно отметить один сквозной мотив в творчестве Набокова, обозначенный именно тем, что «ритм пушкинского века мешался с ритмом жизни отца», мотив, разрешенный как в плане автобиографи-

* Набоков В. Как я люблю тебя. Стихотворения, поэма, эссе о России. М., 1994. С. 147.

** Грин Ханна. Мистер Набоков // Америка. 1978. Май. № 258. С. 49. См. эту статью в наст. сборнике.

ческом, в связи с Владимиром Дмитриевичем Набоковым, так и в чисто художественном, хотя границы взаимных отражений точно обозначить и нельзя — они размыты до той степени, что читатель с трудом отделяет отца писателя в «Других берегах» от отца Федора Годунова-Чердынцева в романе «Дар».

В «Других берегах» Набоков описывает свое состояние, когда, узнав о предстоящей дуэли отца, он в оцепенении едет домой, переживая «все знаменитые дуэли, столь хорошо знакомые русскому мальчику», в их числе Грибоедова, Лермонтова, но прежде всего пушкинскую и даже Онегина с Ленским: «Пистолет Пушкина падал дулом в снег. <...> Я даже воображал, да простит мне Бог, ту бездарнейшую картину бездарного Репина, на которой сорокалетний Онегин целится в кучерявого Собинова» (IV, 245). Этот художнический пассаж в достаточной мере выражает отношение Набокова к проблеме увековечения памяти поэта, трактовке его наследия, в которой должна быть правда искусства, а не ее правдоподобие. Пошлость и Пушкин понятия несовместимые.

Трагическая от пистолетного выстрела не на дуэли смерть Отца, погибшего как рыцарь, ассоциируется для сына со смертью Пушкина. Да и вся жизнь отца воспринимается Набоковым идентичной жизни Пушкина, выше всех «громких прав» поставившего понятие чести и свободы личности.

В романе «Дар», определяя генезис своего героя-поэта, автор ставит его в зависимость от отца: «Мой отец мало интересовался стихами, делая исключение только для Пушкина: он знал его, как иные знают церковную службу, и, гуляя, любил декламировать» (III, 133). Годунов-Чердынцев хорошо помнил, как и его создатель, «что няню к ним взяли оттуда же, откуда была Арина Родионовна, — из-за Гатчины, с Суйды: это было в часе езды от их мест — и она тоже говорила “эдак певком”» (III, 88). Сходными представляются приемы Пушкина и Набокова, посредством которых реальные няни — Арина Родионовна и Елена Борисовна (бывшая еще няней у матери Набокова Елены Ивановны) — преобразуются в художественные образы няни Филипповны или Арины Бузыревой в «Онегине» и «Дубровском», няни в «Даре». Контаминация фактов, устранение деталей, не укладывающихся в стилизационную схему, — вот главное в этом преображении действительности. Как Набоков пишет в автобиографическом повествовании о Елене Борисовне: «Про Бову она мне что-то не рассказывала, но и не пила, как пивала няня Арина Родионовна...» (III, 153).

А в далекой Германии под Берлином, в излюбленных местах его тогдашних прогулок «за груневальдским лесом, — как пишет Набоков в «Даре», — курил трубку у своего окна похожий на Симеона Вырина смотритель, и так же стояли горшки с бальзаминном» (III, 88). Используя при этом другое имя для пушкинского Самсона Вырина, Набоков тем самым доказывает свое знакомство с черновыми вариантами произведений сво-сто любимого писателя.

Свою собственную жизнь писатель также соотносит с биографией Пушкина, постоянно наводимые мостики ассоциаций соединяют их в нашем сознании, невзирая на разделяющее столетие: Набоков подчеркивал, что родился он спустя ровно сто лет после Пушкина. Комментируя «Евгения Онегина», он сообщает, что гувернер и его водил гулять в Летний сад, а помянутый в романе адмирал Шишков приходился ему двоюродным прадедом.

Комментарий Набокова к «Евгению Онегину», как это явствует из приведенных примеров, число которых может быть бесконечно увеличено, ярко иллюстрирует слияние Набокова с Пушкиным, комментатора с автором, слияние беспримерное в истории комментирования художественных текстов. Это обстоятельство вызывало и вызывает до сих пор упреки со стороны академических ученых, хотя труд Набокова несомненно труд исследовательский и глубоко научный. Он появился в 1964 году в канун 165-й годовщины со дня рождения Пушкина, приложенный к его переводу пушкинского романа на английский язык. Самый объем комментариев (свыше 1100 страниц) вызывает уважение. От начала работы в 1949 году и до издания прошло пятнадцать лет труда, «кабинетного подвига», как назвал его сам писатель в одном из писем сестре Елене Владимировне. Ей же он пишет: «Россия должна будет поклониться мне в ножки (когда-нибудь) за все, что я сделал по отношению к ее небольшой по объему, но замечательной по качеству словесности» *. Нина Берберова в книге «Курсив мой» замечает о набоковских комментариях: «...не с чем их сравнить: похожего в мировой литературе нет и не было, нет стандартов, которые помогли бы судить об этой работе. Набоков сам придумал свой метод и сам осуществил его, и сколько людей во всем мире найдется, которые были бы способны судить о результатах?» **.

* Набоков Владимир. Переписка с сестрой. Ann Arbor: Ardis, 1985. С. 96.

** Берберова Н. Курсив мой. М., 1996. С. 375—376.

Корней Чуковский сделал такую попытку в статье «Онегин на чужбине», к сожалению, не завершенной. «В своих комментариях, — пишет Чуковский, — Набоков обнаружил и благоговейное преклонение перед гением Пушкина, и эрудицию по всем разнообразным вопросам, связанным с “Евгением Онегиным”» *. Вместе с тем Чуковский как бы укоряет Набокова в том, что в своих построениях он старается изыскать французские или английские первоисточники пушкинской фразеологии. Публикуя работу отца, Л. К. Чуковская не случайно оговорила следующее: «Для его критического метода вообще характерно строить свои статьи так: сначала с большим преувеличением развить и утвердить одну какую-то мысль, а затем — другую, как бы противоположную ей, а в конце, в заключении объединить обе в совершенно ясном, хотя и сложном синтезе» **. Следуя обозначенной таким образом методологии Чуковского, можно предположить, что речь в дальнейшем пошла бы у него о мировой отзывчивости Пушкина при совершенном вместе с тем национальном его своеобразии. Ведь Набоков своими настойчивыми параллелизмами как раз и включает Пушкина в великий поток мировой литературы, нисколько при этом не умаляя его индивидуальной и национальной самобытности. Парадокс набоковского видения Пушкина тем-то и характерен, что, рассматривая творчество поэта сквозь призму достижений ведущих европейских писателей, Владимир Владимирович именно возвеличивает Пушкина тем, что не оставляет его обособленным на литературной обочине.

Первой отдельной публикацией фрагмента будущих грандиозных комментариев станет статья Набокова «Пушкин и Ганнибал». Она была напечатана в июле 1962 г. в журнале «Инквунтер» («Полемика») и явилась фактически комментарием к I строфе 1-й главы пушкинского романа, и даже точнее, к одному стиху — «Под небом Африки моей» и примечанию к нему самого Пушкина в первом издании главы ***. Оно начинается словами: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского». В предисловии к своей статье Набоков пишет: «Следующий очерк, повествующий в основном о таинственном происхождении предка Пушкина, не претендует на преодоление

* Чуковский К. И. Онегин на чужбине // Дружба народов. 1988. № 4. С. 251.

** Чуковская Л. К. Там же. С. 256.

*** Nabokov V. Pushkin and Gannibal // Encounter. 1962. № 106. P. 11—26.

многочисленных трудностей, встречающихся на этом пути. Это результат некоторых случайных минут, проведенных в замечательных библиотеках Корнельского и Гарвардского университетов, и их назначение состоит лишь в том, чтобы привлечь внимание к загадкам, которые исследователи либо игнорировали, либо разрешали ошибочно». Так скромно обозначив свой кропотливый труд, Набоков замечает: «Следующие заметки являются результатом моих личных исследований, в основном касаются происхождения и первой трети жизни Ганнибала» *.

Опорой для описания детства Абрама служит Набокову, как и всем исследователям этой темы, так называемая «Немецкая биография», составленная зятем Ганнибала Роткирхом, имя которого не было известно Набокову, но несмотря на то, анализируя стилистику источника, он устанавливает эстляндское происхождение автора. Необычайная эрудиция и скрупулезность в проведении поиска позволяют, например, Набокову по имени профессора, упомянутого в биографии, назвать учебное заведение, которое окончил Ганнибал. А ведь в отечественном пушкиноведении об этом спорили многие годы.

Поразительная интуиция подсказала Набокову и решение столетнего спора по поводу так называемого портрета А. П. Ганнибала, принадлежащего ныне Всероссийскому музею А. С. Пушкина в Петербурге. «Подлинного портрета Ганнибала, — утверждает писатель, — не существует. Портрет маслом конца XVIII века, по мнению некоторых являющийся его изображением, показывает награды, которые он никогда не получал, и, кроме того, безнадежно стилизован льстецом. Никаких заключений невозможно сделать на основании портретов его потомков о том, какая кровь преобладала в Абраме...» ** Не лишним будет заметить, насколько правым оказался Набоков в своем отрицании общепринятой атрибуции знаменитого портрета. Десять лет спустя после Набокова и независимо от него было установлено даже имя изображенного — генерала от артиллерии И. И. Меллера-Закомельского ***.

* *Набоков В. В.* Пушкин и Ганнибал. Версия комментатора. Вступительная статья и публикация В. П. Старка, перевод с английского Г. М. Дашевского, примечания Н. К. Телетовой // *Легенды и мифы о Пушкине*. СПб., 1994. С. 10.

** *Набоков В. В.* Пушкин и Ганнибал. С. 39.

*** *Телешева Н. К.* О мнимом и подлинном портрете Ганнибала // *Легенды и мифы о Пушкине*. СПб., 1994. С. 84—104.

Так же скрупулезно Набоков-пушкинист исследует проблемы, связанные с африканской прародиной Пушкина. В подробном анализе историко-топографических трудов, касающихся Эфиопии, Набоков приводит неизвестный нам спектр названий, схожих с легендарным «Логон», откуда будто бы родом был Ганнибал. В «Заключении» статьи, верный своим парадоксам, Набоков высказывает провидческое, как оказалось, соображение: «Было бы пустой тратой времени гадать, не родился ли Абрам вообще не в Абиссинии; не поймали ли его работоторговцы совершенно в другом месте — например в Лагоне (в области Экваториальной Африки, южнее озера Чад, населенной неграми-мусульманами...)» *. Этот пассаж привлек внимание современного исследователя родом из Африки Дьедонне Гнамманку, который убедительно доказал, что именно этот город Лагон (современный Камерун) на одноименной реке южнее озера Чад и был родиной прадеда Пушкина **. Набоков, извлекая, проверяя и сравнивая все детали из описаний путешествий по Восточной Африке различных европейцев в течение нескольких столетий, создает оригинальный труд, посвященный не столько детству, сколько генетическому коду, вписанному самой природой в уроженца Африки и от рождения вложенному в самого Пушкина, который пишет в комментируемой L строфе романа:

Пора покинуть скучный берег
Мне неприятной стихии
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вдыхать о сумрачной России.

Набоков в автобиографическом повествовании «Другие берега», перефразируя Пушкина, выговаривает себе право: «В горах Америки моей вздыхать о северной России» (IV, 170). Так, через пушкинские стихи о неведомой прародине Набоков выражает свою тоску об утраченном отечестве. И в волшебных снах, что «несметным странникам даны / на чужбине ночью долгой», писателю не раз грезился Пушкин и слышалось «пенье пушкинских стихов», возникали видения «живого присутствия Пушкина», «видения, близкие всем русским, которые знают своего Пушкина и который так же неизбежно составляет часть

* Там же. С. 38—39.

*** Гнамманку Д. Так где же родина Ганнибала? // Вестник Российской академии наук. 1995. Т. 65. № 12. С. 1094—1101.

нашей интеллектуальной жизни, как таблица умножения или другая привычка сознания».

Любовь к Пушкину в семье Набоковых была врожденной. Еще дядя писателя К. Д. Набоков сделал перевод на английский язык «Бориса Годунова». В творчестве самого Набокова пушкинские мотивы в значительной мере определили настрой еще первого эмигрантского сборника стихотворений — «Горный путь» (1923). Посвященный памяти отца, погибшего от предательских выстрелов в 1922 году, этот сборник несет многозначительный и ко многому обязывающий эпиграф из Пушкина:

...Погиб и кормщик и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

В стихотворении «Крым», написанном спустя сто лет после того, как посетил его Пушкин, Набоков откликается на стихи, посвященные бахчисарайскому фонтану:

В сенях воздушных капал ключ
очарованья, ключ печали,
Журчит во мраморе вода
и сказки вечные журчали.
И каплет холодными слезами,
в ночной прозрачной тишине,
Не умолкая никогда.
И звезды сыпались над садом.
Вдруг Пушкин встал со мною рядом
и ясно улыбнулся мне.

В том же сборнике поместил Набоков стихотворение «Lawn-Tennis», мастерскую пародию на два стихотворения Пушкина — «На статую играющего в свайку» и «На статую играющего в бабки». Уже с первых строк происходит узнавание, только на-боковский юноша увлечен теннисом — игрой XX века, мастером которой был сам автор:

Юноша, белый и легкий, пестрым платком подпоясан;
ворот небрежно раскрыт, правый отвернут рукав.

Во всех поэтических сборниках Набокова прослеживаются мотивы и образы, восходящие к лирике Пушкина. Прежде всего это касается петербургской темы в творчестве Набокова, когда его воспоминания об «утраченном рае», каким ему пред-

ставляется город его детства и юности, проецируются на гармонический фон пушкинского города. Определяющий лейтмотив вполне выражен стихами:

О, город, Пушкиным любимый,
как эти годы далеки!
Ты пал, замученный в пустыне...

В стихотворении «Исход» звучит тема «Медного Всадника», «гения местности»:

Словно ангел на носу фрегата,
бронзовым протянутым перстом
рассекая звезды, плыл куда-то
Всадник, в изумленье неземном.

Петербург «строителя чудотворного», «ex libris беса, может быть, но дивный» (Набоков) становится губительным фоном первой любви. Она разрешается Набоковым как атрибут «утраченного рая», ассоциативным фоном которого оказывается роман Пушкина с Аннет Олениной:

Мой Пушкин бледный ночью, летом,
сей отблеск объяснял своей
Олениной, а в пенье этом
сквозная тень грядущих дней.

Судьба впоследствии сыграла шутку с Набоковым, сквозная тема нашла продолжение в грядущем — в 1923 году поэту было отказано в руке Светланы Зиверт, русской из Петербурга, оказавшейся в Берлине, а вскоре она вышла замуж за графа Андро де Ланжерона, правнука Аннет Олениной, в руке которой отказано было некогда Пушкину, и вышедшей за графа Андро де Ланжерона. В первом романе Набокова, написанном по-английски — «Истинная жизнь Себастьяна Найта», — его героя, гениального писателя, отвергает Нина Лесерф, фамилия которой буквально переводится с французского как Оленина.

Начиная с первого романа Набокова «Машенька» (1926), в его прозе явственны пушкинские мотивы, разного рода ассоциации, параллели, переключки, игры с именами героев, вдруг отзывающимися давно нам знакомыми по первому поэту эпиграфами из Пушкина, вводящими нас в суть происходящего или в заблуждение, из которого выпутается не всякий читатель. Эпиграф, предвещающий первый роман Набокова, восходит к XLVII строфе Первой главы «Евгения Онегина»:

...Воспомня прежних лет романы,
Воспомня прежнюю любовь...

«Призрак невозвратимых дней», говоря словами Пушкина из предыдущей строфы, будет преследовать Набокова всю жизнь. В набоковских снах как бы претворяется пушкинский образ «колодника сонного» той же XLVII строфы, из тюрьмы перенесенного в зеленый лес. Один из подобных снов восходит к последнему роману Набокова «Посмотри на арлекинов!», герой которого князь Вадим Вадимович, родившийся в Петербурге, вдруг прилетает рейсом Аэрофлота в Ленинград. И вот он на площади Искусств у статуи Пушкину, «воздвигнутой лет десять назад комитетом метеорологов». «Метеорологические ассоциации, — пишет Набоков, — вызываемые монументом, преобладали над культурными. Пушкин, в сюртуке, с правой полкой, постоянно привздутый скорее ветром с Невы, чем вихрем лирического вдохновения, стоит, глядя вверх и влево, а правая его рука простерта в другую сторону, вбок, проверяя, как там дождь...» Нелепость монумента метафорически выражает нелепость появления героя романа в своем родном городе. Так в последний раз отмеривается соответствие реальности и идеала на «пушкинских весах», пользуясь образом Сергея Давыдова, назвавшего свою статью о Пушкине и Набокове «Пушкинские весы Владимира Набокова»*.

В статье С. Давыдова приводятся знаменательные примеры возмездия судьбы героям набоковских романов за пренебрежение к Пушкину. Например, исследователь пишет о проигрыше партии в шахматы Лужиным-старшим своему сыну: «Проигрывает он не только из-за того, что играет с вундеркиндом, но и потому, что игру начинает словами Ленского перед его роковой дуэлью»**.

Нет ни одного романа у Набокова, в котором не был бы так или иначе разыгран какой-то мотив из Пушкина. Даже в таком, казалось бы, далеком от русской тематики романе, как «Лолита», пушкинские мотивы, образы, цитаты присутствуют и играют свою роль. Письмо, адресованное Шарлоттой Гейз, матерью Лолиты, Гумберту Гумберту, является не чем иным, как пародией на письмо Татьяны к Онегину. Романы Набокова американского периода, создававшиеся параллельно с работой над переводом «Евгения Онегина» и комментарием к нему, оказались как бы в поле его притяжения. Прежде всего это относится к роману «Пнин», вышедшему в 1957 году, когда практически был завершен титанический труд Набокова над

* Искусство Ленинграда. 1991. №6. С. 39—48.

** Там же. С. 43.

«Евгением Онегиным». Письмо профессора Пнина из седьмой главы романа, «потрясающее любовное письмо» Лизе, слова «Увы, боюсь, что только жалость родят мои признания...» — вдруг опять же вызывают в памяти строки письма Татьяны.

В рассказе «Посещение музея» мы неожиданно наблюдаем развитие мотивов пушкинской «Пиковой дамы». Анекдотический рассказ о портрете кисти Леруа (вспомним имя Леруа в этой повести) перекликается с также анекдотической завязкой «Пиковой дамы». Случай приводит Германа к дому старой графини, в рассказ о которой не очень-то ему верилось. Случай же приводит набоковского героя на порог музея, в котором оказался портрет, в существование которого как-то не верилось. И пушкинскому, и набоковскому герою изменяет трезвый расчет, они поддаются случаю, включаются в игру, пытаются оживить прошедшее, навязать жизни свои требования, за что она мстит им. Набоков в новой ситуации разрешает те проблемы, которые волновали Пушкина за сто лет до него и не только в этом рассказе, но во всем, что им создано. На «чистейший звук пушкинского камертона» неизменно настраивалось творчество Набокова — вне зависимости от языка, на котором он писал, и жанра, к которому обращался.

